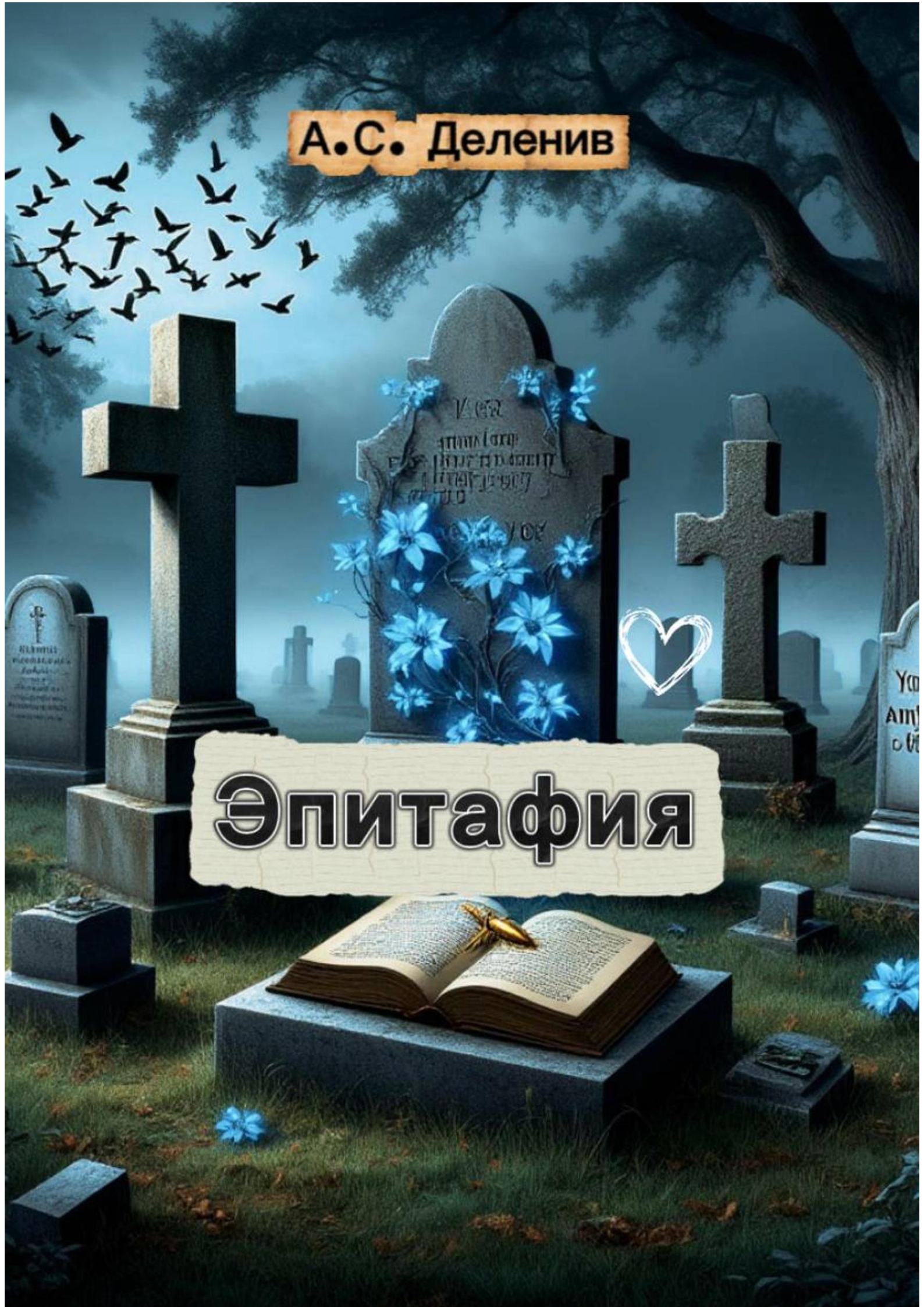

А.С. Деленив

Эпитафия

Александра Деленив

Эпитафия

«Автор»

2026

Деленив А.

Эпитафия / А. Деленив — «Автор», 2026

«Эпитафия» — это психологическая сага о том, как стыд, вина и страх маскируются под заботу, а слова, призванные защитить, становятся клеткой. И о том, что разорвать вековую цепь можно только одним способом — выбрать другие слова. Не из страха, а из любви. Не для защиты, а для свободы.

© Деленив А., 2026

© Автор, 2026

Александра Деленив

Эпитафия

Деленив А.С.

Повесть

Эпитафия

Пролог. Слово, ставшее плотью.

Слово — это не просто колебание воздуха. Это материя, которая оседает на костях, въедается в ДНК, становится частью биохимии страха. Фраза, брошенная в гневе, не растворяется в тишине. Она остаётся. Она ждёт.

В старых деревнях верили, что проклятие — это птица с чёрными крыльями, которая садится на плечо новорождённого и растёт вместе с ним. В современном мире мы называем это иначе — «родительская установка», «сценарий», «травма». Но суть не меняется. То, что говорит мать дочери в минуту ярости, не исчезает бесследно. Оно падает в колодезь времени и отражается от стен эхом, которое слышат ещё не рождённые внуки.

Эта история — о том, как одно слово, сказанное от боли и бессилия, может стать приговором для шести поколений. И о том, как одно другое слово, сказанное от любви и смелости, может этот приговор отменить.

Это не сказка о спасении. Это хроника медленного удушения и одного резкого вдоха.

«Лучшая версия себя» — морковка перед носом осла. Нас с детства приучают: ты — бракованная заготовка, которую нужно исправлять. И мы начинаем верить, что мы недостаточны просто по факту своего существования. Стыд, вина и страх становятся нашими постоянными спутниками. Но самое страшное — мы передаём их дальше, даже не замечая. Слова, сказанные нам, становятся словами, которые мы говорим своим детям. Так рождается проклятие, которое маскируется под «воспитание».

Часть I. «Умный с тобой жить не будет».

1940–1967.

Лето 1940 года пахло пылью и перегретым железом. Солнце стояло в зените, и даже тени казались выцветшими. По улице Ленина, тогда ещё не переименованной, шёл молодой человек в светлой рубашке. Виктор Соколов, инженер-стажёр с городского завода, нёс в руке потрёпанный портфель, а в голове — мысли о Зое.

Зоя стояла у калитки, облокотившись на шершавый штакетник. Ей было шестнадцать, и весь мир казался ей распахнутым окном. Виктор подошёл, улыбнулся той особенной улыбкой, от которой у Зои подгибались колени.

— Завтра приду, — сказал он. — Принесу книгу, о которой говорил. Тургенев, «Накануне». Тебе понравится.

Зоя кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Виктор уходил, слегка ссутулившись, но в каждом его движении чувствовалась уверенность человека, который знает, куда идёт. Инженер. Умный. С будущим.

— Ну что, налюбовалась?

Голос матери ударил по ушам, как жестяное ведро, сброшенное с крыльца. Анна Васильевна стояла в дверях, уперев руки в бока. Её красивое, но жёсткое лицо исказилось презрением. Соседка тётя Клава, сидевшая на скамейке с вечным вязанием, тут же сделала вид, что очень занята подсчётом петель.

— Мама, он хороший, — тихо сказала Зоя, не оборачиваясь. — Он меня слушает. Мы вчера говорили о звёздах, и он сказал, что я умная.

— Умная? — Анна фыркнула и вышла во двор. Её войлочные тапки подняли облачко пыли. — Дуреха, мужики не слушают, мужики выбирают. А он выберет ту, с которой не стыдно в институт зайти, а не вертихвостку, которая только юбки крутить умеет.

— Я не такая! — голос Зои дрогнул, и она наконец повернулась. Глаза её наполнились слезами.

— Такая! — рывкнула Анна, и её голос сорвался на тот самый визг, который был слышен на три дома. Тётя Клава осуждающе покачала головой, но промолчала. — Ты вся в отца, ветер в голове! Запомни, дуреха: умный с тобой жить не будет. Носись со своей красотой, а мужику ум нужен, а не вертихвостка. Так и останешься одна, поняла?

Слова упали в Зою, как раскалённые камни. Она не чувствовала боли сразу. Сначала было только онемение. Виктор уже скрылся за поворотом, но она всё ещё видела его спину. Если бы она побежала сейчас, крикнула, догнала... Но ноги налились свинцом.

«Умный с тобой жить не будет».

Фраза звенела в ушах, заглушая даже стрекот кузнечиков. Зоя кивнула. Не потому что согласилась, а потому что хотела, чтобы мать замолчала. Чтобы этот стыд закончился.

Анна удовлетворённо хмыкнула, развернулась и пошла в дом, бросив через плечо:

— И чтобы к ужину картошку начистила. Хватит в облаках витать.

Зоя осталась у калитки. Солнце садилось, окрашивая небо в грязно-розовый. Она смотрела на дорогу, по которой ушёл Виктор, и впервые в жизни почувствовала, что будущее — это не распахнутое окно, а глухая стена. Мама сказала правду. Мама всегда говорит правду. Умный с ней жить не будет. Значит, нечего и надеяться.

Стыд — это не действие. Это про идентичность. Когда Анна кричит «умный с тобой жить не будет», она не просто оценивает поступок дочери — она выносит приговор её личности. Зоя слышит: «Ты — бракованная. Ты недостойна любви умного человека». И это становится её внутренней правдой. Стыд — самый эффективный инструмент контроля: он не требует полицейского, потому что надзиратель поселяется внутри. Зоя теперь сама будет избегать «умных», чтобы не испытывать боль отвержения. Установка запущена.

Чтобы понять Анну, нужно было знать её историю. Не ту, что она рассказывала соседкам за чаем — про бедную сироту, которая всего добилась сама. А ту, что пряталась в складках её накрахмаленных занавесок, в трещинах старого серванта, в коробке с пожелтевшими фотографиями, которую она никому не показывала.

Анна выросла в деревне, в семье с восемью детьми. С детства усвоила: хочешь выжить — будь громче всех, злее всех, хитрее всех. В шестнадцать её выдали замуж за бухгалтера из райцентра — Петра Ильича, человека с холодными глазами и вечным карандашом за ухом. Он был «умным» — считал каждую копейку, критиковал её манеры, её речь, её смех. «Ты слишком громкая, Анна. Ты как базарная торговка». Она старалась быть тише, но у неё не получалось. Через четыре года Пётр Ильич собрал чемодан и ушёл к тихой медсестре, которая говорила шёпотом и никогда не смеялась в голос.

Анна осталась одна с ощущением, что её «недостаточно». Что она слишком шумная, слишком простая, слишком неумная для умного мужчины. Это чувство она заглушила вторым браком — с красавцем Гришей. Гриша был не умным. Он был весёлым. Он говорил комплименты, носил её на руках и тратил её деньги с артистизмом фокусника. Когда деньги кончи-

лись, кончился и Гриша. Ушёл с молоденькой продавщицей, оставив Анну с долгами и горьким осадком: «Вот тебе и любовь».

Потом были ещё мужчины. Шесть неофициальных браков. Анна называла их «гражданскими мужьями», но по сути это были жиголо. Они жили за её счёт, ели её хлеб, спали в её постели и ухаживали, когда она начинала требовать уважения. Она была удобной, но не любимой. Она была громкой, но не услышанной.

Когда Анна кричала Зое «умный с тобой жить не будет», она на самом деле кричала себе. Это была её броня. Если она скажет это первой, если она сама назначит дочери эту судьбу, то, когда это случится, ей будет не так больно. Она как будто бы контролирует неизбежное.

В последние годы жизни Анна почти не выходила из дома. Сидела у окна, пересчитывала копейки, смотрела на старые фотографии и шептала: «Я же говорила. Я была права». Она умерла в 1966 году, в возрасте шестидесяти одного года, от сердечного приступа. Рядом с ней никого не было.

Анна — жертва собственного стыда, который она превратила в оружие. Её фраза «умный с тобой жить не будет» — это не столько пророчество дочери, сколько самооправдание. Она перекладывает свою боль на другого, чтобы не встречаться с ней самой. Это классический механизм проекции: я не справилась, но я сделаю вид, что это ты обречена. Система стыда передаётся по наследству, как старая болезнь, и каждый носитель уверен, что он просто «говорит правду».

Зоя не побежала за Виктором. Через неделю он пришёл снова, с книгой, и она не вышла. Просидела в погребке, пока мать кричала с крыльца: «Нету её! И нечего тебе тут ходить!» Виктор ушёл. Больше он не появлялся.

Это было первое звено в цепи послушания. Зоя решила, что мать права. Если умный её бросит, то она выберет того, кто бросить не сможет. Того, кто будет благодарен за любой взгляд. Того, кто «не умный».

Иван Колесников работал трактористом в колхозе. Был он прост, как три копейки: руки — золотые, голова — пустая, сердце — огромное. Когда он увидел Зою на танцах в клубе, у него перехватило дыхание. Он смотрел на неё, как на икону, и был готов на всё.

Свадьбу сыграли скромную. Анна на свадьбе сидела с каменным лицом и цедила: «Вот, я же говорила, только такой дурак с тобой и останется». Зоя слышала это и улыбалась. Ей казалось, что она победила. Она выполнила материнский завет — нашла того, кто будет жить с ней. Пусть и не умный.

Первые годы были почти счастливыми. Иван носил её на руках, строил дом, работал без усталости. Но Зоя, сама того не замечая, начала повторять материнские интонации. Сначала мягко: «Ваня, ну что ты опять не то сказал при людях?» Потом жёстче: «Ваня, ты опять выставил меня душой перед учительницей!» Иван не понимал, что происходит. Он просто хотел, чтобы жена была довольна. Но чем больше он старался, тем хуже у него получалось.

Зоя внутри себя уже знала: мать была права. Умный с ней жить не будет. А этот — живёт. Значит, он не умный. Значит, она права. Этот замкнутый круг стал основой их брака.

Вина — это чувство, которое Система обернула в фантик «ответственности». Зоя чувствует вину за то, что не соответствует материнскому стандарту, и пытается её искупить: она выбирает «не умного» и живёт «правильно». Но это не освобождает её, а затягивает петлю. Она доказывает матери, что следует завету, но внутри остаётся той же напуганной девочкой. Вина перед родителем часто становится фундаментом жизненного сценария: я буду делать то, что мне сказали, даже если это разрушает меня.

К середине пятидесятых Иван начал выпивать. Сначала понемногу, по праздникам. Потом каждый вечер. Зоя пилила его, кричала, плакала — ничего не помогало. Иван пил, потому что чувствовал: он не соответствует. Он не тот, кого она заслуживает. Он не «умный». И чем больше он это чувствовал, тем сильнее пил.

В 1952 году родился Глеб. Зоя перенесла на сына всю свою нерастраченную требовательность. Она с пелёнок внушала ему: «Ты должен быть лучше отца. Ты должен быть умным. Но помни: если ты слишком умный, с тобой никто жить не будет». Это противоречие ломало Глеба с детства.

Иван умер в 1964 году. Упал пьяный с лестницы в сарае, сломал позвоночник, и через три дня его не стало. Зоя стояла над гробом и не плакала. Она смотрела на лицо мужа — простое, доброе, даже в смерти сохранившее какое-то детское удивление — и думала: «Вот видишь. Ты был не умный, но и ты меня бросил. Умер — это тоже бросил».

Глебу было двенадцать. Он стоял рядом с матерью и чувствовал, как в его груди растёт холодный ком. Он ещё не знал, что через несколько лет мать скажет ему фразу, которая определит его судьбу. Он просто смотрел на отца и думал: «Я не буду таким, как ты. Я буду лучше». Но он не знал, что «лучше» в их семье было под запретом.

Страх — самый тихий из трёх ядов. Он не кричит, он гудит на низкой частоте. Зоя боится, что её пророчество сбудется, и поэтому сама его исполняет. Она унижает мужа, заставляя его чувствовать себя ничтожеством, — чтобы доказать, что она была права с самого начала. Это страх перед собственной тенью: если признать, что Иван был хорошим человеком, придётся признать, что мать была не права. А это разрушит весь фундамент её жизни. Легче разрушить мужа.

Осень 1967 года выдалась дождливой. Кладбище размокло, и грязь чавкала под ногами. Зоя, в чёрном платке и старом пальто, стояла у могилы матери. Анна умерла год назад. Поминки уже прошли, соседи разошлись, и Зоя наконец осталась одна.

В руке она держала пузырёк с чёрной краской и тонкую кисточку. Она готовила это заранее. Она ждала этого момента двадцать семь лет — с того самого дня, когда мать прокричала ей у калитки те слова.

Зоя оглянулась по сторонам. Кладбище было пустым, только вороны сидели на голых ветках. Она опустилась на колени перед дешёвым бетонным памятником. На нём уже было выбито имя и даты. Зоя обмакнула кисть в краску и медленно, тщательно, как будто вышивала, вывела под именем Анны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.